Снег перестал идти ещё до рассвета, а машина всё это время стояла здесь.

В семь утра зазвонил автомобильный Bluetooth.

Ответа не последовало.

В салоне находился человек. Сиденье водителя было опущено почти до полулежачего положения, и Цзи Вэйи, привалившись к нему, склонил голову набок. Половина его лица была прижата к кожаному подголовнику, а остекленевший взгляд был устремлён в приоткрытое окно.

Он наблюдал, как две снежинки, упавшие на стекло, тают под потоком тёплого воздуха, стекая вниз тонкими струйками.

Лишь когда телефон, так и не дождавшись ответа, отключился, а спустя несколько секунд зазвонил снова, Цзи Вэйи словно очнулся ото сна. Он резко выпрямился и принял вызов.

— Брат?

Голос Цзи Цзиня ворвался в салон через динамик:

— Почему не берешь трубку!

— Я… — Цзи Вэйи запнулся, но тут же нашёлся, что ответить. Прикрыв рот рукой, он зевнул и невнятно пробормотал: — Я спал.

Едва он закончил фразу, мимо его машины с рёвом промчался тяжёлый грузовик, гружённый шлаком.

Шум и выхлопные газы, смешанные с поднятой пылью, ворвались в салон. Цзи Вэйи нахмурился и потянулся к окну, чтобы закрыть его, а Цзи Цзинь на другом конце провода уже сердито рассмеялся:

— Спал? Ты называешь это сном? Кто вообще спит посреди большой дороги…

Цзи Цзинь запнулся и внезапно спросил:

— Сяо Чжоу, ты что, правда провёл всю ночь в машине?

Цзи Вэйи, поперхнувшись от выхлопных газов, тихо закашлялся. Теперь его голос звучал по-настоящему невнятно:

— М-м… Я в пути, только что выехал, боялся, что ты будешь ругать за то, что я так рано встал.

Говоря это, он с силой нажал кнопку стеклоподъёмника.

Цзи Вэйи был поздним ребёнком, его родители перешагнули сорокалетний рубеж, когда он появился на свет. Он был вторым, а разница с его старшим братом Цзи Цзинем составляла более десяти лет.

Неизвестно, было ли дело в возрасте родителей, но он с рождения страдал пороком сердца: здесь недоразвито, там сужено. На третьи сутки после рождения его уже отправили на операционный стол, а потом было ещё несколько серьёзных и мелких операций.

Этот недуг невозможно вылечить окончательно. Операции и лекарства поддерживали в нём жизнь, но он всё равно не мог жить так же полноценно, как большинство людей.

Его родители и брат обладали отменным здоровьем, и лишь он один был болезненным ребёнком, которого все эти годы оберегали, как хрустальную вазу, боясь, что он разобьётся от любого прикосновения.

Последние два года Цзи Цзинь практически взял на себя управление семейными делами. На людях он был решительным и властным главой Корпорации Юаньхай, но стоило ему оказаться рядом с братом, как он превращался в заботливого воспитателя детского сада.

И ведь угадал — Цзи Вэйи действительно провёл ночь за рулём и лишь немного вздремнул в машине.

Цзи Вэйи хотел поскорее закончить разговор. Когда он засыпал, то оставил стёкла приоткрытыми, опасаясь отравления угарным газом.

Он думал, что если включит отопитель на полную мощность, то холод ему не страшен, но за годы жизни в другом месте забыл, что зимой в Хуачэне можно насмерть заморозить даже пьяницу.

Ночной снегопад заставил его продрогнуть, и теперь простуда начинала давать о себе знать — стоило начать кашлять, как остановиться было трудно.

Цзи Цзинь принялся читать нотации:

— Сяо Чжоу, я знаю, что ты торопишься, но ты же обещал нам, прежде чем уехать. Ты сказал, что даже если не успеешь…

Цзи Вэйи перебил его:

— Больше не нужно спешить.

Его голос был тихим, и Цзи Цзинь не расслышал:

— Даже если не спешишь, тебе нужно отдохнуть, ты…

— Я сказал, больше не нужно спешить.

Цзи Вэйи глубоко вдохнул и медленно выдохнул, словно часть воздуха всё ещё оставалась в лёгких, сдавливая горло:

— Я уже не успею.

Сегодня утром, проснувшись от телефонного звонка, он услышал, что Фэн Фань скончался.

Теперь настала очередь Цзи Цзиня замолчать. На другом конце провода воцарилась долгая тишина.

— Что ж… едь медленно. Сяо Чжоу, ему… дяде Фэну уже восемьдесят лет, не принимай всё так близко к сердцу.

Цзи Вэйи сухо ответил:

— М-м.

Коснувшись пальцем экрана, он сбросил вызов и вышел из машины.

В салоне было так жарко, что он совсем забыл о том, что снаружи минусовая температура. На нём был лишь тёмно-синий свитер с высоким воротом, а пуховик остался в машине.

Тонкая мериносовая шерсть, какой бы приятной к телу она ни была, от холода не спасала. Порыв ветра заставил его вздрогнуть.

Простуда для него была опасна. Цзи Вэйи уже хотел вернуться за курткой, как вдруг вдалеке раздался всплеск воды.

Пришёл!

Скрестив руки на груди, он направился в сторону звука.

Рядом текла река, вдоль берега тянулся ряд ив, на которых только-только пробивались почки. Вода текла плавно, под лучами солнца поверхность реки мерцала золотом.

Красиво, вот только у берега на мелководье ещё плавали куски льда.

Цзи Вэйи прождал здесь несколько часов, чтобы встретить человека, готового полезть в реку в такую погоду.

Эта река была одним из рукавов реки Сунхуа. Каждый год в этот сезон здесь проходил особый вид рыбы, идущий на нерест.

Особенность её заключалась в том, что она была невероятно вкусной.

Мясо нежное, костей мало. В прошлые годы жители Хуачэна ловили её настолько безжалостно, что чуть не истребили. Позже городские власти ввели запрет: сети и электроудочки под строгим табу, разрешена только любительская рыбалка.

Впрочем, рыболовы часто возвращались ни с чем — больше кормили рыбу, чем ловили.

В детстве Цзи Вэйи ненавидел любую мясную пищу, его сразу тошнило.

По словам врачей традиционной китайской медицины, это могло быть связано со слабостью ци и крови, а также с плохим пищеварением. Сам же он считал, что почти вся мясная еда отдаёт тиной, вызывая отвращение, особенно если это речная рыба.

Но Фэн Фань был помешан на том, чтобы ловить для него рыбу.

Когда Цзи Вэйи было четыре года, он перенёс третью операцию. Операция прошла успешно, симптомы облегчились, но он всё равно постоянно болел и большую часть времени проводил в больнице.

Родители Цзи, то ли из-за бизнеса, то ли из-за его слабого здоровья, с каждым годом становились всё суевернее.

Цзи Вэйи до сих пор не знал, к какому мастеру какой школы они тогда обращались, но суть сводилась к одному: ребёнка нельзя держать рядом с семьёй, нужно найти того, у кого ба-цзы подходит, и оставить мальчика у него на два года.

Так они нашли Фэн Фаня.

Предки семьи Цзи были родом из Хуачэна, и Фэн Фань приходился каким-то дальним

родственником, хотя кровной связи между ними почти не было.

Но Фэн Фань относился к нему как к родному сыну.

Когда Цзи Вэйи жил с родителями в Цзинчэне, его держали в тепличных условиях, стараясь поддерживать дома постоянную температуру.

Фэн Фань же считал, что дети — как цветы и травы: если запереть их дома без солнечного света, они не вырастут здоровыми.

Даже когда Цзи Вэйи не мог пройти и пары шагов, не начав задыхаться, Фэн Фань в погожие дни носил его на спине к реке греться на солнце.

Тогда берега ещё не были засажены деревьями, а вместо набережной были лишь насыпные земляные валы. Цзи Вэйи сидел на валу с книгой, а Фэн Фань с жестяным ведром спускался к воде ловить рыбу.

К вечеру он приносил его домой и тут же из свежей рыбы варил кашу.

Каша с кусочками рыбы, приправленная зелёным луком и белым перцем, с разваренным в мягкое пюре рисом — рыба таяла во рту. В свежем, сладковатом вкусе не было и следа того тинного привкуса, который обычно присущ речной рыбе. Горячая еда согревала желудок.

С этой кашей Цзи Вэйи и рос день за днём.

Родители всегда считали, что его здоровье улучшилось благодаря предсказанию мастера.

Но Цзи Вэйи всегда верил, что это заслуга речного ветра и рыбного супа.

В его памяти Хуачэн навсегда остался городом льда и пламени: сухой и острый северный ветер поднимал чёрный дым от горящего угля, расплавленный металл обжигал, а железо оставалось холодным.

И только река, извиваясь, была полна нежности.

В реке Забвения вряд ли водятся рыбы из родных краёв, и Цзи Вэйи решил принести эту рыбу Фэн Фаню.

На рынке эта рыба теперь встречалась редко, а сам он, конечно, ловить её не умел, поэтому оставалось лишь ждать возможности использовать силу денег.

Погода была слишком холодной, и в глубине души он сомневался, что кто-то придёт, не питая особых надежд.

Однако пришёл не рыболов, а настоящий мастер ловли рыбы, осмелившийся войти в воду при минусовой температуре.

Цзи Вэйи устремил взгляд на человека в реке.

При температуре, когда вода уже начинала покрываться льдом, тот был одет лишь в тонкую одежду: рукава выбеленной от времени чёрной рубашки были закатаны до локтей, штанины закатаны высоко, и, казалось, он был невосприимчив к холоду.

Когда он наклонялся, опущенные волосы скрывали лицо, но было видно, что он высок и худощав, и, судя по всему, ещё молод.

Он был поглощён ловлей, согнувшись и двигаясь удивительно ловко.

Каждый раз он сначала замирал, глядя на воду, а затем резко бросался вперёд, выхватывая рыбу вместе с брызгами.

Это выглядело так легко, будто он ловил не живую рыбу, а подбирал со дна гальку.

Хотя сам Цзи Вэйи был далёк от спорта, он часто спонсировал съёмки исторических драм и боевиков и нередко заглядывал на площадку.

Обычно такие чёткие и сильные движения можно было увидеть только у профессиональных каскадёров. Если бы кто-то из актёров обладал таким мастерством, об этом бы трубили во всех рекламных роликах.

Наблюдая за тем, как молодой человек, почти не останавливаясь, бросает рыбу в ведро, он даже засмотрелся.

И только когда парень поднял ведро и собрался уходить, Цзи Вэйи вспомнил, зачем пришёл.

Он хотел окликнуть его, но не знал, как обратиться.

Назвать его дружищем — слишком по-детски, товарищем — как-то не по возрасту, мастером — звучит как монах, братишкой — как будто из мультика про Хулу-ва.

Да и товарищем называть не станешь…

В конце концов он решил не мудрить:

— Эй, привет! Рыбу продаёшь?

Он крикнул довольно громко, отчего в горле сразу закололо, но человек в реке даже не обернулся и продолжал идти прочь, словно ничего не слышал.

Цзи Вэйи позвал ещё несколько раз, но остановить его не удалось — парень почти добрался до берега.

Он очень хотел купить эту рыбу, поэтому, поколебавшись секунду, подобрал с земли камень и швырнул в воду.

Пускать блинчики его тоже учил Фэн Фань — камень пролетел, подпрыгнув десяток раз по воде, и пронёсся в паре сантиметров от бедра того парня.

Тот наконец обернулся.

Цзи Вэйи помахал ему рукой и прокричал изо всех сил:

— Привет! Я хотел спросить, ты продаёшь рыбу, которую поймал?

Голос сорвался на высокой ноте, горло сжалось, и слова застряли в глотке.

Молодой человек не ответил, но направился в его сторону.

Ступая по тонкому льду на мелководье, он подошёл к берегу, опёрся руками о перила и легко перемахнул через них.

Рукава его рубашки намокли, прилипнув к рукам, а обнажённые предплечья напряглись, когда он подтянулся — мышцы под кожей чётко очертились.

Он был похож на натянутый лук: тетива дрогнула, рассекая воздух, а затем он твёрдо приземлился на землю.

http://bllate.org/book/37726/4716290